

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Маслов

ПОЛНЕЕ, ЯРЧЕ ОТОБРАЖАТЬ ЖИЗНЬ

Поэты и прозаики Черкесской автономной области за последнее время создали немало художественных произведений. Лучшие из них переведены на русский язык. Они привлекают внимание широкого круга читателей, проявляющих большой интерес к жизни советской Черкесии, растущей, с каждым днём расцветающей под мудрым руководством Коммунистической партии в братской многонациональной семье народов нашей великой прекрасной страны.

Неузнаваемо преобразилась жизнь молодой, новой Черкесии за годы Советской власти. Испытывая внутреннюю потребность рассказать о своём счастье, запечатлеть свои сокровенные мысли, волнующие чувства, поведать о них всем советским людям, труженикам мира, — писатели Черкесии посвящают свои произведения родному краю, созидательному труду земляков, строящих коммунизм вместе со всеми народами социалистической Родины. Но, воспевая свой родной край, выражая сыновнюю любовь к нему, они не замыкаются, не ограничивают себя узко национальными рамками. Им бесконечно дорого святое чувство братской дружбы социалистических наций, их творчество одухотворено беззаветной преданностью необъятной советской Родине.

Именно этим характеризуется поэзия одного из зачинателей черкесской советской литературы Хусина Гашокова. Наиболее значительные произведения поэта включены в сборник «Свет в горах», выпущенный местным издательством на русском языке к 25-летию Черкесской автономной области.

Идейно-тематическое содержание стихов верно определяют яркие эпиграфы к сборнику, выражающие любовь поэта к своей родной земле, которая ныне вся «в роскошном цветении». Стихи Х. Гашокова дышат большой, страстной любовью ко всему величавому, прекрасному, что окружает его, «образ Родины свободной» вдохновляет поэта к творчеству, и он стремится «юности дыханье в звуки стройные вложить».

Восторженными глазами своих земляков, «посланцев чарующих гор», он рассматривает Москву, их сердцем волнуется, объезжая столицу, которая стала для нас и всех трудящихся мира, как справедливо говорит поэт, символом счастья, маяком коммунизма. Песни своего сердца, песни радости Х. Гашоков посвящает Отчизне, своей Черкесии, братским народам, Ленину и Сталину, окрыляющей советских людей Коммунистической партии, которую славим мы «в песнях наших лучших», ленинско-сталинскому комсомолу, рождённому для больших побед. Голос поэта звучит в защиту мира, против войны, о героях минувших битв и мирного самоотверженного труда во имя будущего.

Идейный смысл многих стихотворений сборника «Свет в горах» раскрывается чёткими, ясными словами, запоминающимися образами. Нам становится понятным его чувство, когда он говорит, подчёркивая отдалённость аула от других селений и близость этого аула к сердцу поэта:

В горах аул затерян,
Но мне так близок он.

Оригинально задумано, правда, не до конца мастерски выполнено стихотворение «Март—апрель», где Х. Гашоков удачно использовал приём олицетворения отвлечённых

понятий, распространённый в устном народном творчестве. Пришёл апрель и «пробудил в душе волнение солнца жаркого привет». Эта строчка создаёт «настроение» всему стихотворению, которое вызывает у читателя символическое радостное ощущение пришедшей весны, весны жизни, мирного свободного созидания. Оставляют след в нашей памяти, волнуют наши чувства и другие стихотворения, например, «Песня радости», «СССР», главы из поэм «Мать», «Али в бою», «Счастливая любовь», в которых есть поэтическое вдохновение, видны поиски соответствующих изобразительных средств, формы художественного выражения мысли.

Нередко стихотворения Х. Гашокова оживляются, активизируют внимание читателя приёмами неожиданного обращения, призыва, и это делает стихи более эмоциональными, энергичными, действенными. Так, повествуя о Черкесии, всё шире раздвигая рамки стихотворения, всё дальше уводя читателя по своей земле, автор вдруг восклицает:

Посмотри: наполнится радостью душа...

Автор живописует сад, перед нами встаёт наглядная картина, и вот ты вздрагиваешь, заслышав чей-то голос:

Взгляни: вот яблонька-невеста
В цвету, как в розовом платке.

Или, например, поэт описывает могилу советских воинов, павших в боях за Отчизну. Читая, думаешь, что повествовательный взволнованный тон стихотворения будет выдержан до конца, но, достигнув высшего напряжения чувств, поэт внезапно переключает внимание читателя, обращаясь к воображаемому путнику со словами:

К могиле, путник, подойди
И поклонись земным поклоном...

Х. Гашоков рисует картину созревающих хлебов, ожидание людьми той минуты, когда им будет дана команда двинуться в поле, в страду. Это время настало, и поэт благословляет комбайнеров на славный труд: «В добрый путь, друзья мои родные», — и этим, опять-таки неожиданно, возбуждает наше размышление, «встряхивает» наши чувства. Создаётся, благодаря этому, впечатление, будто всё, о чём рассказывает поэт, происходит у него на глазах и он участвует во всех событиях. Всё это подтверждает, что поэт выполняет данный себе наказ — всегда «быть с народом, быть на линии огня» («Долг поэта»).

У Х. Гашокова большое, чуткое, отзывчивое сердце, готовое вместить или, как говорит он сам, впитывать в себя всё, чем горд и чем живёт поэт, у него светлые мысли, чувствуется немалый жизненный опыт. И поэтому приходится сожалеть, что эти качества поэта во многих стихотворениях по-настоящему не проявились. Эти его свойства, повторяем, при чтении сборника только чувствуются, как бы таятся, скрыты под текстом. Произведения сборника не раскрывают полноты жизни, боевая, многокрасочная советская действительность отображена в них бледно, поверхностно.

Основным недостатком многих стихотворений Х. Гашокова является их абстрактность, обезличенность, отвлечённость. Заметно слабое знание автором материала, освоение темы, неглубокое проникновение в жизнь. Поэт порой удовлетворяется констатацией, регистрацией того, что мельком увидит или издали пронаблюдает. И такие стихи-зарисовки получаются скупыми, статичными, беспредметными. Х. Гашоков мало заботится о поэтической конкретности, нередко в общих рассуждениях отрывается от реальности.

По мнению автора, стихотворение «Свет в горах», которым назван сборник, очевидно, одно из лучших. Тем не менее и оно выглядит бескровным, расплывчатым,

схематичным, состоит из общих мест — «План без стихов», сказал бы Пушкин. Его содержание несложно. Поэт радостно встречает в горах рассвет, жадно дышит горным воздухом, и его рука невольно тянется к карандашу,— ему «кажется здесь всё необычайным». Читатель ждёт, что поэт увидит то, чего не улавливают своими глазами другие. Однако его ожидания напрасны. В стихотворении вместо живой картины — длинный ряд перечислений: вершины снежного Кавказа, пики дальних гор, дымки аулов... Какой художественный образ возникнет перед читателем, когда он прочтёт: «Заря сверкнула переливом красок», «огни сверкают до небес»? Какими красками и как переливается заря? Что это за огни, сверкающие до небес? И туманно, и неточно. Громоздким списком дел и событий тянется стихотворение «О, если б Ленин нашу жизнь увидел!»

Из декларативных, отвлечённо-риторических восклицаний составлены и другие стихотворения. У Гашокова искреннее сердце, читатель не вправе не верить поэту, когда он, скажем, радуется: «До чего Черкесия стала хороша!» Но если поэт рассчитывает, что ему поверят на слово, хорошо сказанное,— это не поэт. Читатель привык (а в этом и специфика поэзии) видеть и как бы слышать то, о чём рассказывается в произведении, чтобы, прочитав, самому невольно с гордостью подумать о том же,— «что цветёт Черкесия». Главное свойство художника — конкретное видение жизни, и он обязан рисовать словами, а не кое-как, приблизительно сообщать, вроде:

Мальцев сел в кругу солдат
И оказал примерно так... («Комиссар»),

В стихах, в главах поэм редко найдёшь живого человека — тип. Чаще появляются тени, условные знаки героев, человек вообще. Таковы комбайнеры. О них сообщается, что у них учащённо бьются сердца, говорится трафаретной фразой — «капитаны кораблей степных». Вот и всё. Поэт не «заглянул» им в душу, и мы не видим их лиц, не угадываем их переживаний, не знаем, почему, как об этом заявляет автор, Родина гордится ими ныне. В стихотворении «Дети» по существу нет детей, одни восторги о них, что они — «нашей радости цветы». Неясно очерчены образы комиссара, бригадира Мурзият. Глава «Счастливая любовь» в поэме начинается так:

Расцвела весенней розой
Дочь колхоза — Мурзият,
Красотой своей в колхозе
Сбила с толку всех ребят.

Для начала — неплохо. Но плохо, что здесь—весь её портрет. Правда, в следующей главе — «Свадьба» добавляется, что Мурзият — «грациозна и легка», жарким взглядом всех обжигает. Нелегко вообразить себе отчётливо эту «весеннюю розу» с лицом «словно лунное светило в чистой майской синеве», как об этом узнаём в дальнейшем. Может, она похожа на своих подруг, о которых вполне серьёзно, без юмора, сказано следующее:

Как ласточкины крылья
Разлёт бровей у них.
Нет (с чем бы ни сравнил я)
Ни у кого таких.

Убогие строки создают ясного портрета. Может, показана она в действии, в труде? Нет и этого.

Х. Гашоков хорошо сказал в стихотворении «Долг поэта»:

Сердце, в песню воплотись ты,
Чтоб предстали зримо, в красках

Красота вершин скалистых
И цветы долин кавказских.

И далее:

Надо в труд уйти с душою,
Чтоб в любом стихе крылатом
И сюжеты, и герои
Все из жизни были взяты.

Правильно сформулированные задачи, поставленные поэтом перед собой, в сборнике не реализованы. В «Слове старого черкеса» нет единства мысли и формы её художественного воплощения. Седой старик, которому идёт восьмой десяток, не может говорить частушечным строем речи, да и сами слова, произносимые им, не типичны для него, язык его нивелирован, приглажен, интонация деланая, неестественная.

Стихи тоже любят логику, она делает их неотразимо убедительными. А как разберётся читатель, если в стихотворении «На зелёной горе» сначала говорится, что вишня, выросшая на могиле бойцов, стоит на горе, на вершине, а потом она оказывается у поэта под скалой? Нужны стихи, полные смысла, поэту необходимо отчётливо представлять себе то, что он показывает. Пушкин подчёркивал: «Я пишу и размышляю».

В книжке «Свет в горах» обнаруживается тонкое ощущение автором красоты и образности языка. У поэта наблюдается излюбленный целевой отбор изобразительных средств, которые как нельзя лучше отвечают идейному смыслу стихотворений и усиливают его. Это было присуще особенно Некрасову, как отмечают исследователи, который, обладая неисчерпаемым словарным запасом, то и дело прибегал к одним и тем же эпитетам, например: угрюмый, унылый, чтобы сильнее оттенить безысходное горе народное при царизме, мрак в душе человека. Такое горе, забитость, безвыходность положения пережил и черкесский народ. Х. Гашоков знает это, и, чтобы поделиться с другими радостью обрётённого счастья, он постоянно противопоставляет тёмному, ушедшему миру отрадны картины советской действительности, свет нашей жизни. Отсюда поэт с силою акцентирует эпитет «светлый», «обновлённая, светлая судьба», «жизнь в, колхозе хороша, светла», «Светлая Родина», «наш светлый мир», «светлый коммунизм»... Употреблённый в разных стихотворениях там, где это необходимо, этот эпитет, как и другие, подобные, приобретают особую социальную окраску. В сборнике немало световых красок, делающих окружающий мир видимым, запечатлевающимся: «звёзды-рубины», «светом весь край озарён», «снегом нарастаявшим гуси у пруда», «горит, как слиток золота, Эльбрус», «вся земля, как в праздник, засверкала», «искрится в белизне цветочной сиянье солнечных лучей», «и над ними воздух голубел»...

Однако Гашоков слишком щедр на слова; например «сверкает», «сиянье» встречаются чуть ли не в каждом стихотворении. Не всегда осмысленно, тенденциозно подходит поэт к выбору нужных слов, подчас замечается неразборчивость в словесном материале. Слово «учащённо» фигурирует везде, где речь идёт о сердце. Надоедливо повторяется уродливое словечко «окружье». Повторяются также одни и те же образы, иногда неуклюжие: «За тобой идут сыны Кавказа — золотые звёзды на груди», «Золотым сверкают блеском звёзды славы на груди», «И заслужишь золотую ты звезду себе на грудь». Ходульными выглядят стихи на эту же тему:

За лучший, небывалый
За урожай полей —
Ни много и ни мало —
Звезду пророчат ей...

С песней сравнивается и шум реки, и плеск воды, и голос детей.

Ряд стихов следовало бы признать переводческим браком. Язык многих стихотворений обеднён, протокольный, худосочный, неряшливый, речь просто

неграмотная. Невольно начинаешь думать, что переводчик, употребим слова Пушкина, «не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец». Стихи поэта, несомненно, были бы лучше, если бы сборник переводился не одним А. Седугиным. Не помогли автору и переводчику в работе над сборником редактор Г. Диденко и черкесское отделение Союза писателей.

Стихотворения изобилуют языковыми погрешностями. Не по-русски звучат, например, такие строки: «бегал загорел и бос» (от «загорелый» краткое прилагательное не образуется), «взгляд свой прищуря», «приветливым взором взглянул на нас ласково», «моё сердцебиение — черкесский край мне мил!», «шумя ветвями, машет вишня»... А какое эстетическое удовольствие вызовут стихи, подобные вот этим: «вы приезжайте к нам почаще, чем поделиться с вами есть», «найдёшь ли краше разве, чем девушки у нас», бригада «работает как надо»... А сколько неверных ударений в словах разных стихов, грамматических ошибок. Стихи требуют чеканной формы, исключительной отшлифовки, в них малейшая шероховатость вносит фальшь, портит даже чудесные стихотворения, «кричит благим матом», — как однажды заметил по такому поводу Чехов.

В стихах встречаются случайные слова, не отвечающие смыслу, взятые не в том значении. В самом деле, можно ли сказать например, «юные травы»? Бывает, вставляются, как лыко в строку, слова, которые ничего не выражают, а лишь заполняют пустое место для сохранения ритма стиха, они не мотивированы, осмысление их значения психологически не подготовлено ходом действия. Так, с волнением говоря о могиле павших воинов, поэт объясняет путнику: когда подойдёшь к этому святому месту, то

Непринуждённый, станешь ты
В тот час торжественнее, строже...

Почему «непринуждённый», каким чувством продиктовано это слово? Слово это фальшиво звучит в данном контексте.

В стихотворении «Сады цветут» даётся живописный пейзаж. На его фоне, откуда ни возмись, появляется какой-то прохожий, который удивлённо рассуждает, откуда сады в полях. Эти сады отвечают ему, почему они здесь, и «прохожий потеплевающим взглядом сады окинул и поля...» Снова приходится недоумевать: что он до этого был не в духе, рассержен, недоволен чем-то? Смысл эпитета «потеплевающим» также не вытекает из содержания стихотворения.

Ни к чему такая тавтология:

Созидает, творит и строит
Наш советский народ-богатырь.

Или:

Как в море, широко,
Насколько даль видна,
Уходит далеко
Пшеничная волна.

Пространство на пространстве, образ на образе. После боя солдаты, вычистив оружие, принялись за махорку («Комиссар»), Как будто всё уже ясно. Но тут же следуют ещё стихи:

Как сошлись в солдатский круг,
Задымили самокрутки...

Строки лишние, к тому же не совсем ясные: выходит, что самокрутки сошлись в солдатский круг. Аналогичным примером являются и такие стихи:

И вырыла яму кинжалом,
Что муж на черкеске носил...

Что же носил муж на черкеске: яму или кинжал?

Особенно обидно, когда в хорошие стихи, выражающие кульминационный пункт в сюжете, врываются нелепые, неграмотные строки. В ответственный момент поэт, полный вдохновенья, обращается к матери с риторическим вопросом:

Мать, ты поведай, какими словами
Мне описать твою сердца любовь?

Здесь вторая корявая строка губит всё.

Для «местного колорита» иногда кое-какие слова оставляют без перевода. Но в сборнике излишествуют непереведённые черкесские слова, снабжённые сносками, и это затемняет смысл стихов, затрудняет их восприятие.

В стихах Гашокова мало своего, нового, индивидуального. Многие словесные образы, истёртые, затасканные, взяты «напрокат». Выпишем хотя бы такие из них, как «жирный чернозём», «тучный урожай», «тракторы — стальные кони», «обнялись, словно брат с сестрою», «Дон-красавец и Волга-река» — кстати, здесь и определения вносят поэтический разнобой, к Волге тоже надо бы подобрать качественное определение.

У Петра Комарова, лауреата Сталинской премии, есть отличные стихи, в которых он сравнивает леса — защитников полей с солдатами:

Стоят они в зелёных гимнастёрках,
Как будто на поверке боевой.

Или в другом стихотворении — «Дуб»:

Словно часовой, в широкой пойме
Он стоит оберегая рожь,
И не даром на патрон в обойме
Каждый жёлудь у него похож.

Х. Гашоков, используя этот чудесный образ, пишет:

Как пограничные солдаты,
Деревья строятся в ряды...

Прочитав подобные перепетые стихи одного поэта, Горький написал ему: «Для самоучки — стихи ваши хороши, а печатать их — не надо. Почему? А потому, что хотя мысли у Вас хорошие, но одеты они Вами в старые, заношенные слова...»

Не все стихи, вошедшие в книжку Х. Гашокова «Свет в горах», обладают художественной образностью, темы многих из них не получили должного раскрытия, и жизнь в них отразилась довольно скудно, бледно, схематично. Сборник стихов недостаточно содействует картинному восприятию, познанию того, что волнует поэта, о чём он хотел поведать читателю. Поэт, как и всякий мастер слова, должен искать нужные художественные формы и средства для всестороннего, глубокого, яркого воссоздания нашей социалистической действительности, он обязан стремиться к тому, чтобы его произведения захватывали читателя, мобилизовали его волю, воспитывали его ум и чувства. Х. Гашокову это под силу, он идёт по верному пути, и взыскательная требовательность к себе, более упорная работа над совершенствованием поэтического мастерства помогут ему избавиться от имеющихся недостатков и повысить идейно-художественное качество своих произведений.